

Неочевидная религиозность рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

А.Л. Родин¹✉

¹ Московский государственный институт культуры, Химки, Российская Федерация

✉ a.rodin@rvs-law.com

Резюме

Статья посвящена анализу сюжета и содержания рассказа И.А. Бунина в христианском контексте. Автор статьи выдвигает гипотезу о возможном истолковании фабулы рассказа как повествования о грехе, его последствиях и возмездии за грех. Замеченные другими исследователями библейские аллюзии из книги Бытия – пребывание в раю первых людей – дают основания для попытки анализа всего содержания рассказа в библейском контексте. В статье дается оценка душевного состояния протагонистов и их поступков в духовном измерении: грех – добродетель. Совершаемые героями рассказа грехи и присущие им страсти предопределяют смертельную развязку рассказа. Таким образом, несмотря на очень небольшую долю указаний на религиозный контекст в тексте И.А. Бунина, можно утверждать возможность понимания рассказа именно в христианском ключе.

Ключевые слова: И.А. Бунин, Кавказ, Книга Бытия, возмездие, грех, прелюбодеяние, смерть

Для цитирования: Родин, А.Л. (2025). Неочевидная религиозность рассказа И.А. Бунина «Кавказ». *Язык и текст*, 12(1), 100–106. <https://doi.org/10.17759/langt.2025120109>

The non-obvious religiosity of I.A. Bunin's short story "The Caucasus"

A.L. Rodin¹✉

¹ Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation

✉ a.rodin@rvs-law.com

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the plot and contents of I.A. Bunin's story in a Christian context. The author of the article puts forward a hypothesis about the possible interpretation of the plot of the story as a narrative about sin, its consequences and retribution for sin. The biblical allusions from the Book of Genesis noticed by other researchers – the stay in paradise of the first people – give grounds

for an attempt to analyze the entire contents of the story in a biblical context. The article gives an assessment of the mental state of the protagonists and their actions in the spiritual dimension: sin v. virtue. The sins committed by the characters of the story and their inherent passions determine the fatal outcome of the story. Thus, despite the very small proportion of references to the religious context in the text of I.A. Bunin, it is possible to assert the possibility of understanding the story in a Christian way.

Keywords: I.A. Bunin, Caucasus, Genesis, retribution, sin, adultery, death

For citation: Rodin A.L. (2025). The non-obvious religiosity of I.A. Bunin's short story "The Caucasus". *Language and Text*, 12(1), 100—106. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/langt.2025120109>

Рассказ И.А. Бунина «Кавказ» был опубликован в ноябре 1937 г. и является вторым рассказом сборника «Темные аллеи». На первый взгляд, в рассматриваемом произведении практически отсутствуют прямые указания на христианский контекст и возможность интерпретации в религиозном ключе: в отличие от других произведений автора здесь нет упоминаний храмов, крестов, кладбищ, молитв, праздников, песнопений, христианских символов или литературных образов.

Единственным прямым указанием на христианскую жизнь, религиозность, является представляющая в воображении героя-рассказчика сцена прощания на вокзале офицера и его неверной супруги: «я мысленно видел, как он хозяйственно вошел в него вместе с нею, оглянулся, — хорошо ли устроил ее носильщик, — и снял перчатку, снял картуз, целуясь с ней, крестя ее...» (Бунин, 2006, с. 12) Это упоминание важное, поскольку оно — хотя бы и через призму восприятия офицера его соперником, любовником жены — характеризует мужа героини как человека верующего, любящего жену и стремящегося призвать благословение на ее предстоящее путешествие. При этом данное благословение оказывается для мужа прощальным, больше свою жену он уже не встретит. Какова сила этой веры и глубина религиозности обманутого мужа — на эти вопросы попробуем ответить в настоящей статье.

Ценными в контексте настоящего исследования, но одновременно и дискуссионными являются утверждения Н.В. Семеновой, сформулированные в статье «Мотивный анализ рассказа И.А. Бунина «Кавказ». Исследователь проводит параллели между «кавказской» частью истории любовников и ветхозаветным описанием творения мира и людей: «Картины Кавказа в рассказе Бунина, кроме того, содержат аллюзию к главе 1 книги Бытия, актуализируя тем самым мотив сотворения мира» (Семенова, 2023, с. 174). Автор статьи приводит цитату из Книги Бытия о сотворении мира Богом, отделении света от тьмы, вспоминает творение птиц, зверей и первых людей и соотносит эти библейские слова с текстом рассказа И.А. Бунина: «Помимо моря, неба, гор, в описании Кавказа есть луна и солнце («два светила великие» в Библии); птицы («мяукали орлята»); «скоты» (волы, лошади, ослики); «звери земные» («ревел барс», «тявкали чекалки»), чекалки приходят к жилищу человека; «рыбы морские» («все жаренная на шкаре рыба»); «зелень, трава» («подсолнечники», «алые мальвы»). (...) Мужчина и женщина — безымянные Он и Она в рассказе. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (Быт.; 1:27)» (Семенова, 2023, с. 174). Однако от дальнейшего движения по вектору библейского осмысления происходящих событий Н.В.

Семенова уходит и продолжает рассуждение о любви и смерти уже не в рамках христианской парадигмы, а используя религиозно-философские идеи Востока.

Исследователь вполне справедливо указывает на мотивы смерти в тексте рассказа и на близость смерти и любви, обращая внимание на воплощение этого феномена в словесном уровне текста: *«Точки-оксюмороны на словесном уровне: «безнадежно-счастливый вой», «радостно плакала», «темный свет» – отражают оксюморонность сюжета: счастье героев оплачено смертью»* (Семенова, 2023, с. 174). Вместе с тем Н.В. Семенова отмечает, что *«смерть в поздней прозе Бунина связана с особым космизмом, с системой космогонических представлений Востока, с отсутствием христианской вертикали (верх / низ, праведность / грех)»* (Семенова, 2023, с. 174). Рассуждения исследователя о концовке рассказа приводят к следующему тезису, который автор предлагает в противовес мнению, изложенному в статье А.А. Коновалова (Коновалов, 2009, с. 369): *«Представление о том, что «до развязки конфликт не дотягивает, угасает» в таком случае можно опспорить: любовь и смерть в их предельном выражении гасят взаимную энергию и воцаряется великий покой – нирвана»* (Семенова, 2023, с. 175).

Данные рассуждения о невозможности восприятия событий рассказа в христианском ключе представляются спорными по следующей причине. Любовь, о которой пишет И.А. Бунин в рассказе *«Кавказ»*, не является любовью в христианском понимании, речь идет об измене, прелюбодеянии, то есть любви незаконной, небогоугодной, – речь идет о грехе. А взаимосвязь греха и смерти в христианском миропонимании, как это было продемонстрировано выше, совершенно прямая: *«каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью; похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть»* (Иак. 1:14-15). Раскрывая сущность этих слов, богословы указывают на то, что грех развивается в человеке постепенно и смерть – это конечная стадия развития греха: *«Греховные страсти значительно ускоряют процессы тления, то есть разрушения человека, которые завершаются его физической смертью... Смерть же телесная, если она не является результатом самоубийства, наступает, когда человек исчерпал свои личные возможности для духовного роста, ибо земная жизнь – это подготовка к вечности»* (Леонов, 2023, с. 285). Самоубийство же является тяжелейшим грехом, поскольку человек, отвергая Бога и предназначенный им путь для спасения человека, прерывает земную жизнь, обрекая себя на вечные страдания. Аналогичная связь прослеживается в целом ряде других произведений И.А. Бунина (*«Легкое дыхание»*, *«Пароход Саратов»*, *«Дело корнета Елагина»*, *«Зойка и Валерия»*, *«Митина любовь»* и др.). Поэтому близость «любви» и смерти в рассказе *«Кавказ»* вполне закономерна и оправдана.

Исследуя более ранний рассказ И.А. Бунина *«Солнечный удар»* (Родин, 2022, с. 72), мы обращали внимание на то, что прелюбодеяние – это духовная кража, посягательство на того, кто тебе не принадлежит. В рассказе *«Кавказ»* эта мысль подтверждается уже в первой строке: *«Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке возле Арбата...»* (Бунин, 2006, с. 11). Рассказчик – а повествование в основной части рассказа строится от лица любовника – пребывает в состоянии тревоги, страха, когда приезжает на вокзал, откуда он со своей спутницей отправится на юг: *«... все внутри меня замирало от тревоги и холода. По вокзалу и платформе я пробежал бегом, надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто»* (Бунин, 2006, с. 12). Это свидетельствует о том, что, будучи не в силах спастись от искушения, прекратить эти незаконные отношения с чужой женой,

человек тем не менее испытывает муки, вызванные не чем иным, как совестью. Герой рассказа действительно ощущает себя вором, творящим беззаконие.

Грех (в данном случае грех прелюбодеяния, но не только он) так или иначе влечет за собой возмездие, крайней степенью которого является смерть. В рассказе «Кавказ» мотив смерти повторяется отчетливо на протяжении всего повествования. В устах героини мысли о смерти звучат уже в самом начале рассказа: она говорит мужу, что умрет, если не увидит моря. Сам супруг сказал ей, что он ни перед чем не остановится, «защищая свою честь мужа и офицера» (Бунин, 2006, с. 13) - намек на убийство, мщение, смерть. Когда любовники отправляются в поезде на юг, обессиленная ложью и переживаниями героиня говорит о муже, который обязательно последует за ней и будет искать: «... Но Бог с ним, лучше смерть, чем эти муки...» (Бунин, 2006, с. 13). Описывая пребывание героев в диком уединении («мы нашли место первобытное, заросшее чинаровыми лесами» (Бунин, 2006, с. 14), герой упоминает «траурную закутанность» черкешенок. Заканчивается описание их сожительства на южном побережье деталями страшной ночной грозы: «... в шумной гробовой черноте лесов то и дело разверзались волшебные зеленые бездны и раскалывались в небесных высотах допотопные удары грома» (Бунин, 2006, с. 14). А затем следует по сути очень краткий эпилог, в котором повествование идет не от лица любовника, а от лица обезличенного и как будто бесстрастного рассказчика – стиль изложения напоминает отчет судебного следователя, ранее подобный стиль изложения встречался в рассказе И.А. Бунина «Дело корнета Елагина». И этот эпилог завершает тему смерти: гробовая чернота лесов сменяется выряженной в белый китель, торжественной смертью, раскаты грома – выстрелами в висок из двух револьверов.

Казалось бы, почему грех одних людей (жены и любовника) оборачивается смертью мужа-офицера? Почему эта смерть – возмездие? Самоубийство мужа оказывается последствием очевидного греха не только его супруги и ее любовника, но и самого офицера. Самоубийство стало возможным из-за непобедимой страсти – гордыни этого человека. Неверная жена в начале рассказа характеризует своего мужа так: «Я думаю, что он на все способен при его жестоком, самолюбивом характере» (Бунин, 2006, с. 11). Самолюбие – это главная черта эгоизма. Т.В. Марченко, исследуя этот рассказ, обращается к черновикам И.А. Бунина, которые подтверждают намерение автора изобразить мужа-офицера в высокой степени гордым человеком, в системе ценностей которого честь мужа и офицера ставится превыше всего остального: так в первоначальном тексте автор использовал такие характеристики, как «ревнивый и жестокий характер», «охрана своей офицерской чести, высоких традиций – семьи, брака» (Марченко, 2013, с. 400). Эпитет «самолюбивый» появляется уже в окончательной редакции рассказа.

В контексте рассказа «Кавказ» особенно уместны рассуждения недавно прославленного в лице святых афонского старца Паисия Святогорца: «Эгоизм – непослушный сын гордости. Эгоист всегда стоит на своём. Но как деревья, которые, не сгибаясь под напором ветра, в конце концов ломаются, так и эгоист расшибает себе лоб, потому что не уступает» (Паисий Святогорец, 2010, с. 62). Герой Бунина, не способный смириться с обманом, претерпеть унижение, простить обиду, своими руками расшибает себе голову. При этом стоит обратить внимание на то, как описана автором подготовка офицера к самоубийству. Это торжественный, продуманный акт: утром он купается в море, выбривается, надевает чистое белье и белоснежный китель, пьет шампанское, не спеша выкуривает сигару... Всё это, с одной стороны, прощание с желанными и привычными земными благами, а с другой –

нарочитое подчеркивание своего высокого достоинства, особой чести и превосходства даже в смерти.

И смерть офицера неизбежно ложится мрачной печатью на неверную жену и ее любовника. Сложно согласиться с приведенным выше утверждением Н.В. Семеновой о том, что «любовь и смерть в их предельном выражении гасят взаимную энергию и воцаряется великий покой – нирвана». Если при жизни мужа-офицера герои рассказа испытывали страх, стыд, муки совести, то тем более и после его гибели ни о каком совместном, беззаботном счастье их не может быть и речи.

В подробном исследовании Т.В. Марченко, посвященном рассказу «Кавказ», автор истолковывает содержание рассказа, прослеживая тематику дуэли (несостоявшейся), Кавказа, реализации Пушкинского и Лермонтовского наследия в творчестве И.А. Бунина и самих обстоятельств жизни И.А. Бунина в период, непосредственно предшествующий созданию рассказа. Самоубийство офицера истолковано как дуэль с одним участником – второй оказался недуэлеспособным, именно поэтому в финале рассказа звучат два выстрела: *«Он словно разгадал источник страданий, осознав, что им является не сбежавшая с любовником жена, а он сам, терзающие его мысли и чувства. Тот, кто казался грозным преследователем и беспощадным мстителем, становится жертвой; «счастье любви», которым так полно и самозабвенно наслаждались любовники, оборачивается смертью, и дальнейшая история влюбленной пары остается за рамками рассказа»* (Марченко, 2013, с. 406).

Причины и обстоятельства самоубийства офицера очень близки ситуации протагониста «Митиной любви». Но если для юного Мити главной причиной самоубийства становится отчаяние от предательства Кати и ранее состоявшееся греховное падение с замужней крестьянкой Аленкой, то для обманутого мужа основной движущей силой и искушением становится собственное гиперболизированное представление о чести офицера и мужа. Было бы неразумно судить об этих понятиях с позиций христианских представлений о нравственности и чести: герой рассказа офицер – человек своего времени, но трагический итог его жизни остается тем, каков он есть.

Особый интерес представляет композиция рассказа «Кавказ». Т.В. Марченко, рассматривая этот вопрос, указывает, что *«все развертывание сюжета – это всего лишь экспозиция, а последний короткий фрагмент аккумулирует в себе и кульминацию и развязку»* (Марченко, 2013, с. 407).

Впрочем, если рассматривать данный рассказ как повествование об офицере и его трагедии, хотя он выходит на первый план только в конце произведения, то рассказ, действительно, окончен. Если же рассматривать «Кавказ» как рассказ о любви – любви порочной и незаконной, – то как таковой развязки в рассказе нет, автор предоставляет читателю возможность домыслить развязку сюжета самостоятельно. В любом случае схематическое построение рассказа, логика развития сюжета и судьба персонажей вполне укладываются именно в христианскую парадигму осмысления человеческой жизни и смерти, когда вертикальные отношения Бог – человек определяют полноту, духовное богатство и счастье человеческой жизни либо когда неправильно выстроенные отношения с Богом и ближними приводят к ее разрушению.

Список источников / References

1. Бунин, И.А. (2006). Кавказ. В: *Полное собрание сочинений в XIII томах. Том 6* (с. 12). М. Bunin, I.A. (2006) *Caucasus*. In: *Fully collected works in XIII vols. Volume 6* (p. 12). Moscow. (In Russ.).
2. Коновалов, А.А. (2009). Особенности сюжетной организации рассказов И.А. Бунина. *Преподаватель XXI век*, 1(2), 362—370.
Konovalov, A.A. (2009). Features of plot organisation of I.A. Bunin's short stories. *Teacher XXI century*, 1(2), 362—370. (In Russ.)
3. Леонов, В. (прот.) (2023). *Основы православной антропологии. 3-е изд.* М.: Изд. Московской Патриархии Русской Православной Церкви.
Leonov, V. (prot.) (2023). *Fundamentals of Orthodox anthropology. 3rd ed.* Moscow: Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church Publ. (In Russ.)
4. Марченко, Т.В. (2013). «Кто как стреляется, таков он и есть...»: GESTUM BUNINI (К интерпретации рассказа И.А. Бунина «Кавказ»). *Ежегодник дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 4, 369—408.
Marchenko, T.V. (2013). "Who shoots as he shoots, so he is...": GESTUM BUNINI (To the interpretation of I.A. Bunin's story "Caucasus"). *Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad*, 4, 369—408. (In Russ.)
5. Паисий Святгорец (2017). Слова. В: *Том V. Страсти и добродетели. Монастырь Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Суроти, Салоники.* М.: Изд. дом «Святая гора».
Paisij Svyatogorets (2017). Words. In: *Volume V. The Passion and the Virtues. Monastery of the Holy Apostle and Evangelist John the Theologian. Souroti, Thessaloniki.* Moscow: 'Holy Mountain' Publ. (In Russ.)
6. Родин, А.Л. (2022). Рассказ И.А. Бунина «Солнечный удар» в контексте христианской антропологии. *Культура и образование*, 1, 69—77.
Rodin, A.L. (2022). I.A. Bunin's short story 'Sunstroke' in the context of Christian anthropology. *Culture and Education*, 1, 69—77. (In Russ.)
7. Семенова, Н.В. (2023). Мотивный анализ рассказа И.А. Бунина «Кавказ». *Новый филологический вестник*, 1(64), 170—178. <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-1-170>
Semenova, N.V. (2023). Motivic analysis of I.A. Bunin's story 'Caucasus'. *New Philological Bulletin*, 1(64), 170—178. (In Russ.) <https://doi.org/10.54770/20729316-2023-1-170>

Информация об авторе

Александр Леонидович Родин, аспирант кафедры литературы и лингвистики, Московский государственный институт культуры (МГИК), Химки, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5043-9516>, e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Родин А.Л. (2025)
Неочевидная религиозность рассказа И.А. Бунина
«Кавказ»
Язык и текст, 12(1), 100—106.

Rodin A.L. (2025)
The non-obvious religiosity of I.A. Bunin's short story
"The Caucasus"
Language and Text, 12(1), 100—106.

Information about the author

Alexander L. Rodin, PhD student, Department of Literature and Linguistics, Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5043-9516>, e-mail: a.rodin@rvs-law.com

Поступила в редакцию 18.11.2024
Поступила после рецензирования 28.02.2025
Принята к публикации 10.03.2025
Опубликована 21.03.2025

Received 2024.11.18.
Revised 2025.02.28.
Accepted 2025.03.10.
Published 2025.03.21.